

Р. Коуз, Нин Ван. КАК КИТАЙ СТАЛ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ. М.: Новое изд-во, 2016, 490 с.

Книга «Как Китай стал капиталистическим», вышедшая в свет на английском языке в 2013 г., была переведена на русский язык и опубликована в Москве спустя три года. Три года, казалось бы, не столь большой срок, если бы не два обстоятельства. Во-первых, один из авторов — Роналд Коуз — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 г. — один из самых известных ученых в мире, книги которого стали классическими еще в 70-е годы XX в. и отличались рассмотрением проблем в широком теоретическом диапазоне. Другой автор — Ван Нин, американский экономист китайского происхождения, — являлся знатоком пути модернизации экономики КНР. Во-вторых, рецензируемая книга, повествуя о событиях в КНР последней четверти XX в., позволяет провести аналогии с советским проектом и постсоветским опытом эволюции от «социализма» к капитализму. Скажу прямо: трудно найти монографию, приводящую столь обширный материал о барьерах, трудностях на пути модернизации постсоциалистической страны и, главное, о путях преодоления препятствий, чем вышеназванная книга двух американских исследователей.

С рождением в 1949 г. КНР, отмечают авторы, благодаря централизованной власти и помощи СССР, стало возможным мобилизовать ресурсы для восстановления экономики после Гражданской войны. Однако слепое следование марксистской теории превратило последнюю в окаменелую догму, а КПК — из проводника идеологии в ее заложницу (с. 19). Результаты «большого скачка», и, спустя несколько лет, «культурной революции», оказались плачевны для китайской экономики и общества.

Позитивным моментов стало то, что весьма многочисленный слой переживших чистки коммунистов, больше не хотел, чтобы страна продолжала идти политическим курсом Мао (с. 23). Реабилитация сотен тысяч партийных функционеров и возвращение их к политической жизни объективно вели к ослаблению влияния марксистской идеологии

на общество. Стремление сплотить китайцев под одним знаменем коммунистической идеологии медленно, с возвратными рецидивами и разборками внутри правящей элиты трансформировалось во все более прагматический курс.

Понадобилось два года после смерти «великого кормчего», чтобы, не отвергая идеологической легитимности социализма и деятельности самого Мао, вплоть до запрета политических дискуссий о событиях прошлых лет (с. 46), приступить к реформам, в корне отличных от прежнего пути.

В немалой степени это удалось благодаря рациональному, незашоренному взгляду на советскую историю. Так известный китаевед А.В. Панцев в блестящем исследовании, посвященном жизни Дэн Сяопина¹, отметил, что созвучность идей Н.И. Бухарина действиям лидера КНР на рубеже 1970–1980-х годов вполне очевидна. Более того, в 1985 г. Дэн признал, что «наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР»².

Жаль, что это высказывание видимо не знакомо тем отечественным историкам, кто характеризует нэп, как «неэффективную модель для решения модернизационных задач» и «вариант стагнации»³ и, по сути, соглашается с безальтернативностью сталинского варианта развития СССР с конца 1920-х годов.

Поддержку со стороны Дэна получил и тезис Н.И. Бухарина о том, что «рыночная экономика не является синонимом капитализма». Но если Бухарин рассматривал нэп и рыночную экономику как характеристики «переходного периода», то Дэн Сяопин понимал сочетание плана и рынка как явление, присущее

¹ Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013.

² Там же, с. 413.

³ См., например: Сенявский А.С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения. — Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М., 2006, с. 18, 20.

социалистическому обществу⁴. В 1980-е годы XX в. Китай вступал с надеждой взять все лучшее из опыта мировой капиталистической экономики и практики стран социалистического лагеря. Результатом должна была стать (и стала!) постоянно меняющаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

Одобрив и стимулируя воскрешение Бухарина — главного теоретика нэпа (за 10 лет до аналогичных событий в СССР), Дэн Сяопин поддержал и осуждение сталинских репрессий. При этом у китайского лидера хватило мудрости отделить сталинскую карательную практику от всего опыта советской эпохи.

Программа «четырёх модернизаций», принятая в декабре 1978 г. на Пленуме ЦК КПК, стала краеугольным камнем экономической политики КНР, всей государственной деятельности и партийной жизни (с. 44). Лидер реформистского направления — Дэн Сяопин, проявив экономический прагматизм, выделил образование и технологии как первоочередные задачи Китая. В документах Пленума была отмечена излишняя централизация управления. При этом ахиллесовой пятой экономики было названо отсутствие самостоятельности у государственных предприятий. Быстрота реализации решений Пленума — если к началу 1979 г. число предприятий, получивших самостоятельность, исчислялось сотнями, то к концу 1979 г. их насчитывалось более 4200 (с. 64, 71, 72) — свидетельствовала не только о решимости китайских лидеров на преобразования, но и о давно назревшей готовности производственных коллективов уйти от низких зарплат и голодной жизни — «железной чашки риса».

Государственные предприятия, выполнив план, могли сами решать, что им производить; изменять размеры заработной платы своих работников, тем самым, превращаясь в субъекты рынка. Таким образом, с конца 1970-х годов в КНР формируется «двухрельсовая система»: сосуществование в государственном секторе экономики как централизованного планового регулирования, так и рыночных элементов (с. 76).

Авторы подчеркивают, что документы Пленума не содержали ни стратегии, ни программ, поскольку китайские лидеры и не знали ничего о рыночной экономике. Все определяла практика, успех или неуспех начатых

масштабных экспериментов. Тезис: рыночная экономика возможна только тогда, когда никто не претендует на всеведение (с. 38), сначала интуитивно, затем осознанно входил в менталитет правящей элиты.

Сильной стороной команды Дэн Сяопина была готовность терпеливо и всесторонне изучать последствия расширения самостоятельности государственных предприятий, не отступать от поставленной цели, устроясь идеологическим догм, последовательно добиваясь все большей эффективности экономики и благополучия населения. В этом заключалось отличие китайского руководства от советского, проводившего аналогичную реформу во второй половине 60-х годов.

Между тем, отмечают авторы, процесс децентрализации в экономике Китая проходил весьма трудно. На рубеже 1970—1980-х годов наряду с успехами были очевидны и проблемы: сокращение поступлений в бюджет, инфляция. Китайские власти были вынуждены скорректировать экономический курс. Но если инициированные государством реформы на время застопорились, то бурно развивались разрешенные властью малые предприятия и индивидуальные предприниматели (с. 77).

Доминирование марксистских взглядов у руководителей Китая обуславливало сохранение авторитарного государства, а с ним понимание единства общества как, прежде всего, скрепленного жесточайшей дисциплиной и наказанием за инакомыслие. Для части ветеранов КПК реформа 1978 г. казалась постыдным отступлением от основ социализма. Но яростные нападки консерваторов не изменили решимости тех представителей «фронтального поколения», кто решился на переосмысление советского и маоистского вариантов развития.

Вторым направлением реформ стал курс на объединение и укрупнение предприятий «по горизонтали». На эксперимент по хозяйственной самостоятельности перешел и ряд городов. С 1980 г. система контрактов с руководителями предприятий и администраций поставила доход «директорского корпуса» в прямую зависимость от рентабельности и конкурентоспособности производственных площадок (с. 76). Важнейший принцип прежней модели — слепое подчинение приказу свыше — становился условным.

Наиболее важным направлением, по определению авторов, стали разрешение семейного подряда, неоднократно возникавшего в Китае по инициативе самих крестьянских дворов, и (с 1980 г.) ослабление запрета на фермерство, а затем и официальное его разрешение в 1982 г. Опираясь на практику семейного

⁴ *Панцов А.В. Указ. соч., с. 414.*

подряда и множество промежуточных договорных форм, определявших права и обязанности крестьянских дворов, на стремительно растущее фермерство, удалось наполнить рынок продуктами. По сути это была «революция снизу» (с. 81–82).

Составной частью «революции снизу» явилась сельская индустриализация. Создание волостных и поселковых предприятий сыграло ключевую роль в переходе китайской экономики к рынку. Признававшиеся первоначально ущербными (из-за использования устаревших технологий и оборудования), лишённые кредитов и ресурсов, испытывавшие ограничения по доступу на потребительский рынок, волостные и поселковые предприятия, задействовав многовековой опыт и умения китайских ремесленников и выживших предпринимателей, стремительно набирали мощь. Число крестьян, занятых на этих предприятиях увеличилось с 28 млн в 1978 г. до 135 млн в 1996 г. Общая доля сельского населения, занятого на таких предприятиях, увеличилась с 9% в 1978 до более чем 14% в 1984 г. К середине 80-х годов на них приходилась половина всей сельскохозяйственной продукции и четверть промышленного производства КНР, а доля во ВВП выросла с 6% до 26% (с. 87–90).

Своеобразной спецификой КНР стал тот факт, что многие местные чиновники управляли волостными и поселковыми предприятиями. Не связанные планом, они регулировали производство в зависимости от спроса на рынке и могли быстро реагировать на изменения конъюнктуры; сами решали вопросы об оплате и премиях, штатах, привнеся конкуренцию в экономику и ориентацию на потребителя. Фактом признания волостных и поселковых предприятий стало предоставление банковских кредитов. Кооперация усилий предпринимателей всех видов и низовой администрации существенно усилила позиции ранее самых отсталых территорий в Китае: деревень и поселков. Именно это движение самих масс, десятков миллионов крестьян, ремесленников, мелких производителей, местных чиновников наполнило реформы силой и сделало необратимыми.

Реакция китайского руководства на бурный рост частного сектора в 1980-е годы охарактеризована Роналдом Коузом и Ван Нинном как политика «трех нет»: ни содействия, ни публичного освещения, ни запрета (с. 95). Внимательное прочтение монографии позволяет скорректировать это официальное определение. Защита негосударственного сектора от нападок консерваторов стоила Дэнгу и его окружению немалых усилий, а начало кредитования государственными банками

предпринимателей — шаг вполне оправданный. Не менее важным стало разрешение на импорт в страну потребительских товаров и промышленных технологий, прежде всего с Тайваня (с. 62). Уже в 1980-е годы тайваньские фирмы держали 72 и 80% акций в компаниях, занятых в производстве одежды и обуви, кожи и меха (с. 229).

Капитал соотечественников из Тайваня, Малайзии, Гонконга, наряду с передовыми японскими технологиями пошел в открытые Особые экономические зоны (ОЭЗ). Очевидные успехи промышленного развития ОЭЗ, взлет уровня благосостояния их жителей стали самыми обсуждаемыми в КНР темами. Все это позволяет расценивать политику «трех нет» как своеобразный политический маневр Дэна, направленный на сглаживание идеологических противоречий. Реформаторы могли проиграть сражение, когда в 1981 г. премьер Госсовета Чжао Цзыян предложил заменить систему централизованного планирования системой рыночного ценообразования, но натолкнулся на яростное сопротивление партийных ветеранов (с. 116), развернувших в 1983 г. полномасштабную кампанию борьбы против «духовного загрязнения» (с. 120), но реформаторы, замедляя на месяцы движение вперед, последовательно выигрывали войну за рыночные реформы.

Параноидальный страх коммунистических догматиков перед «мирной эволюцией» был преодолен, и 1984 г. стал рубежом нового этапа экономической реформы, когда Пленум ЦК КПК в октябре 1984 г. принял «Решение о реформе экономической системы», одоблившее введение системы рыночного ценообразования (с. 120). К концу 1984 г. государство прекратило контролировать цены на многие потребительские товары. Но из соображений социального и политического характера, подчеркивают Роналд Коуз и Ван Нин, правительство не спешило выпустить из-под контроля цены на сырье. Без субсидий на электроэнергию многие предприятия закрылись бы. Цены на товары, произведенные в рамках государственных квот, фиксировались государством. Цены на товары, произведенные сверх нормы, зависели от превратности рыночной конъюнктуры (с. 137). Налицо, как видно, неразрывность экономических и социальных задач.

Каким же образом китайские лидеры смогли избежать ужасов развала советской экономики начала 90-х годов при отказе от централизованного контроля за ценами?

Ответ авторов примечателен: социальные и экономические реформы в Китае в 1980-е годы отличало важное преимущество: политический

истеблишмент по большей части не был движим корыстью. Китайская элита стремилась превратить свою страну в богатое социалистическое государство и отличалась предельным прагматизмом, ориентируясь на факты, а не на отвлеченные теоретические конструкции (с. 126). Об этом же говорит и реформа труда. Госпредприятия получили полное право самим определять размеры зарплат и премий (с. 141). Но задача не допустить массовых увольнений выполнялась. С этой целью, в Китае, в отличие от корпоративных слияний в рыночной экономике, в большинстве случаев более крупное предприятие не поглощало мелких партнеров. Последние получали условленное количество акций в новообразованной компании. Модель акционерного предприятия получила широкое распространение и стала залогом успеха. Приватизация средних и малых предприятий проходила чаще всего в форме продажи акций их работникам, которые не увольнялись. Это же касается и крупных предприятий. К концу 1991 г. было создано 3200 холдинговых компаний в форме акционерных обществ, из них 85% при значительном участии работников (с. 203).

Кроме того, приватизацию сдерживали не только идеология, но и угроза массовой безработицы. На протяжении 80-х и в начале 90-х в КНР не было рынка труда, способного обеспечить занятость или переподготовку работников. Закон о банкротстве был принят в 1986 г., но в течение последующих пяти лет только 27 предприятий были объявлены банкротами. Поскольку увольнения были все-таки неизбежны, в 1994 г. в КНР была создана система социального страхования по безработице. В 1995 г. 70% работников были охвачены системой социального страхования по безработице (с. 204–205). Столь стремительная динамика говорила о том, что китайские работодатели приучены государством играть по правилам.

Сопоставляя приведенные факты, нетрудно найти коренные отличия от российской практики на рынке труда в 1990-е годы и вывод авторов логичен: китайская экономическая реформа в отличие от РФ и стран Восточной Европы не столкнулась с жестокой рецессией.

С точки зрения гносеологической, примечательно наблюдение авторов о том, что для Дэна Сяопина и его соратников социализм был скорее открытой системой, которая должна использовать достижения всех культур и перенимать у других стран, в том числе у развитых капиталистических стран, все передовые методы (с. 180). Социализм больше не отождествлялся с коллективной собственностью и централизованным планированием. Его «сутью» стало «полное достижение всеобщего благоденствия».

Провозгласив подобную цель, памятную для специалистов и понятную для населения), Дэн избавил китайское руководство от дискуссий о «пользе сохранения социализма и вреде капитализма» (с. 183). В очередной раз переосмысление марксизма в соответствии с прагматическим духом конфуцианства помогло китайцам справиться с идеологическими трудностями, подводят черту авторы. Логическим завершением этого этапа реформ стали решения 14 съезда КПК в октябре 1992 г., принявшего решение о том, что целью реформы экономической системы является развитие рыночной экономики — социалистической рыночной экономики (с. 187–189).

В 1992 г. китайцы окончательно легитимизировали реальность рыночных преобразований. В тот же год мы перешли к рынку, имея в голове лидеров команды Гайдаа только смутные (в лучшем случае книжные) представления о рыночной экономике, о путях ее достижения, и как показала практика, вне взаимосвязи социальных и экономических задач.

«Самым неожиданным моментом китайских рыночных преобразований стало то, что Китай трансформировался в капиталистическую страну, пытаясь модернизировать социализм» (с. 235). Сопоставим это ироническое высказывание авторов с мыслью о социализме как открытой системе. Получается, что в Китае удалось действительно провести конвергенцию, жестко осмеянную в СССР, соединить лучшее, что было в странах советского блока и в западном мире. Характерно, что в 2004 г. китайское руководство поставило цель построения «гармоничного социалистического общества», характеризующегося высоким уровнем человеческого развития каждого жителя страны⁵.

От идиллических нот в завершении истории о грандиозном эксперименте мирового значения предостерегает еще одно замечание авторов: верховенство закона в КНР принципиально отличается от «верховенства права», культивируемого в западной политической культуре. Основная цель китайского руководства и в последние десятилетия XX в., и сегодня заключается в поддержании политической стабильности и преемственности политического курса в условиях однопартийной системы⁶. Пока КПК стоит выше закона, те, кто

⁵ Социальная политика в России и Китае. М., 2016, с. 53.

⁶ Михеев В., Луконин С., Чжэ С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка. — Мировая экономика и международные отношения, 2016, т. 60, № 10, с. 5–16.

может действовать от ее имени, законов не признают.

Раскрыв факторы взлета Китая и превращение его в сверхдержаву, Роналд Коуз и Ван Нин указывают и на возможные причины будущих потрясений. Рецензируемая книга тот нечастый случай, когда исследование крупных ученых становится зеркалом истории огромной страны. Но, глядя в это зеркало, замечаешь и то, что скрывали другие, казалось бы, более знакомые зеркала.

Там, где американские экономисты увидели утверждающий гимн капиталистическому

развитию, отечественные историки, взглядевшись, могут обнаружить незамеченные ранее потенциальные возможности советского проекта: не критически захваленные в недавнем прошлом, зачастую, не критически отброшенные в настоящем.

М.А. Фельдман,

доктор исторических наук, профессор
Уральского института — филиала
Академии народного хозяйства
и государственной службы

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В ИСПАНИИ. DIPLOMÁTICOS RUSOS EN ESPAÑA. 1667–2017. М.: изд-во Международные отношения, 2016, 672 с.

В 2017 г. исполняется 350 лет начала первых дипломатических контактов между Россией и Испанией. История российско-испанских дипломатических связей за этот период переживала разные времена: и сближение, и полное отсутствие контактов. Исторический вектор их развития в целом прослежен в научной литературе, в том числе и отечественной — в обобщающих трудах¹, а также в монографиях и научных статьях и сборниках документов². Однако в изучении этой темы есть и пробелы. Это не только незаслуженно забытые исторические деятели и имена, но и общие работы, затрагивающие развитие испанского направления внешней политики России за три с половиной века.

Подготовленное коллективом российских историков во главе с известным специалистом по истории российско-испанских отношений, доктором исторических наук, профессором О.В. Волосюк научное издание «Российские дипломаты в Испании» направлено на восполнение этого пробела.

Авторы публикации предприняли попытку рассмотреть российско-испанские отношения через описание деятельности 32 российских послов и посланников, которые представляли интересы России в Мадриде с XVII в. до наших дней — от П.И. Потемкина, чей визит в Мадрид состоялся в 1667–1668 гг., положив начало процессу установления более тесных

дипломатических отношений между странами, до Ю.П. Корчагина — российского посла в Испании с 2012 г. Как справедливо отмечает во вступительной статье О.В. Волосюк, «дипломат — это ключевая фигура внешнеполитической практики», от их профессионализма и личной позиции зависит очень многое в налаживании отношений между странами (с. 8–9). При написании данного труда были использованы источники различных видов: официальные донесения, отчеты, периодическая печать, частная переписка, мемуары. Авторы привлекли документы из АВПРИ, АВП РФ и РГАДА, в том числе и не известные профессионалам материалы из частных и государственных архивов, сборники документов, а также вышедшую к моменту написания книги научную литературу (с. 10).

Открывает издание статья В.А. Ведюшкина о П.И. Потемкине. О его визите в Испанию написано достаточно много и испанскими, и российскими историками, однако автор сумел дополнить портрет российского посла, ответил на ряд дискуссионных вопросов, связанных с этим посольством, в частности, убедительно опроверг версию о том, что в России не знали о смерти испанского короля Филиппа IV (с. 15).

Столь же ярко представлен в книге и визит в Испанию в 1687–1688 гг. Я.Ф. Долгорукова. Автор очерка М.К. Караулова скрупулезно проанализировала ход и причины неудачного исхода данной миссии. Этот визит в ракурсе российско-испанских отношений историками ранее не рассматривался столь подробно.

Несомненной удачей книги, главная задача которой состояла в том, чтобы показать траекторию развития российско-испанских отношений, «реконструировав биографии

¹ История Испании, т. 1–2. М., 2012–2014; Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М., 2014.

² Россия и Испания: документы и материалы (1667–1917), т. 1–2. М., 1991–1997.